

этом узнать и кого Гейне мог только вывести из себя таким сообщением: самому Гёте.

Осенью 1824 года Гейне отправился бродить пешком по Гарцу. Это была одна из первых его экскурсий по деревням Германии — экскурсий, которые впоследствии дали миру его *Reisebilder* (Путевые картины). Слово это, как и самую тему, Гейне первый ввел в немецкую литературу. К концу своего путешествия он пришел в Веймар. Первого октября он письменно просит аудиенции у великого Гёте. «Я не буду вам докучать, я только хочу поцеловать вашу руку и уйти». В этом письме Гейне чувствуется некоторая робость, хотя у него имелись к Гёте рекомендательные письма от Варнгагена и еще одного знакомого. В своем письме он считал нужным сделать скромную приписку: «Я тоже поэт». Ибо, хотя его юная слава уже гремела по всей Германии, Веймарский олимпиец, повидимому, о нем ничего не знал. Гейне в свое время послал ему свою первую «Книгу Песен», потом сборник трагедий. Посылки эти он сопроводил письмом, в котором звучит самое почтительное преклонение. Но Гёте, всегда такой корректный, не потрудился даже известить Гейне, что книги им получены. После нескольких недель странствий по горам и по долам молодой поэт в истрепавшейся одежде, с бьющимся сердцем и сжимавшимся от волнения горлом переступил порог дома, где жил Гёте. Его обычная уверенность сразу куда-то испарилась. Он чувствовал себя, как оробевший и неловкий ученик перед великим учителем, чье решающее слово может круто переменить его судьбу. Первое впечатление было близко к ужасу, ибо недавно перенесенная великим Гёте болезнь оставила заметные следы. Его большая голова в ореоле серебряных волос сохранила свою прямую и величавую посадку, но лицо было все изрыто морщинами, щеки запали, кожа пожелтела, как пергамент, беззубый рот непрерывно дрожал от слабости. Однако на этом лице блистали большие темные глаза с выражением царственного спокойствия. Взгляд их остановился на молодом посетителе. Взгляд этот пронизывал насквозь, но в то же время был таким отсутствующим, что, казалось, все, им замеченное, тут же ускользало от него. Гейне с удивлением констатировал, что великий писатель знает о нем. Гёте, обладавший замечательной памятью, припомнил даже, что общие знакомые говорили ему о слабости здоровья Гейне, и осведомился, как он теперь себя чувствует. При этом он любезной улыбкой как бы выражал удовольствие, что видит Гейне более здоровым, чем он ожидал. Однако литературные опыты посетителя, видимо, интересовали великого Гёте меньше, чем состояние его здоровья: он как будто не замечал волнения, с каким Гейне ожидал отзыва о своих стихах. Полный благоволения к молодому человеку, которого ему горячо рекомендовали такие друзья, как Варнгаген, великий старец, казалось, ничего не имел сказать поэту Генриху Гейне. Быть может, Гейне и сумел бы удачным словом пробить брешь в той стене молчания, которой все более и более окружал себя Гёте в этот период его жизни, — но непроницаемый взгляд старца его обескуражил.

«В долгие зимние ночи я придумывал всякие глубокомыслен-